

ШАБОЛДА НАРРАТИВА

Анита Вихрева, Павел Богатов

Павел Богатов

Шаболда нарратива

«Автор»

2026

Богатов П.

Шаболда нарратива / П. Богатов — «Автор», 2026

Роман «Шаболда нарратива» — это остроумная и дерзкая сатира на современную литературу, медиа и общество потребления. Главная героиня — талантливая писательница Лиза, мечтающая прославиться любой ценой. Она случайно открывает секрет успеха бестселлеров: яркие обложки, громкие заголовки, популистские сюжеты, эпатажные персонажи и минимум глубины. Осознав эту простую истину, Лиза решительно меняет собственный стиль письма и превращается в настоящую «шаболду нарратива» — автора бестселлеров, которых обсуждают везде: от соцсетей до глянцевого журналов. Но вскоре ей приходится столкнуться с неожиданными последствиями своего выбора. Популярность приносит деньги, славу и восхищенные взгляды поклонников, но постепенно разрушает отношения с близкими людьми, лишает вдохновения и заставляет задуматься: действительно ли она хотела стать лишь яркой упаковкой без настоящего содержания?

© Богатов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Проклятие таланта, или почему мои гениальные романы никто не читает.	5
Глава 2. Эврика в супермаркете: как полка с детективами перевернула мою жизнь.	7
Глава 3. Формула дурака: семь шагов к сердцу издателя.	10
Глава 4. Первая ложь во спасение карьеры (и как я её красиво упаковала).	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Павел Богатов, Анита Вихрева

Шаболда нарратива

Глава 1. Проклятие таланта, или почему мои гениальные романы никто не читает.

Лизе казалось, что её тишина – особого сорта. Не пустая, а густая, творческая, насыщенная смыслами, которые вот-вот стуются в идеальную метафору. Она сидела перед экраном, где курсор мерцал с наглым постоянством метронома, отсчитывающего секунды её неудавшейся карьеры. За окном шумел город, живой, глупый и совершенно не заинтересованный в её трактовке экзистенциальной тоски через призму воспоминаний бабушки о запахе мокрой штукатурки.

Её последний роман, «Кризис среднего возраста», лежал в сети – цифровая могила с тремя отзывами. Два из них были от «Марины34» и «Сергея читателя», которые благодарили за «бесплатную книжку» и ставили пять звёзд, явно не открывая файл. Третий, развёрнутый, был от человека с ником «Литературный Диагност»: «Автор, безусловно, владеет словом, но зачем владеть словом, если нечего сказать? Скучно, претенциозно, вода. Персонажи – картонные. Не советую».

Лиза чувствовала, как под рёбрами закипает раскалённый шар ярости. Картонные? Это Иван, с его тончайшим внутренним миром, сотканным из страха перед открытыми дверями и любовью к определённому сорту грузинского чая, – картонный? Это Анастасия, чья молчаливая скорбь по нерождённому ребёнку выражалась лишь в том, как она переставляла предметы на полке? Вода? Это был невод, сплетённый из паутины души!

Она закрыла глаза и представила, как «Литературный Диагност» – вероятно, прыщавый юноша в засаленном халате – пишет этот отзыв, чавкая дошираком. Ему бы динамики, погони, плоский юмор и двадцать сантиметров мышечной массы у героя. Ему бы шаболду.

Это слово пришло к ней внезапно, как проклятие. Шаболда. Дешёвка, подделка, пустышка. То, что раскупается тоннами.

На её столе, рядом с ноутбуком, стояла премиальная кофейная чашка от элитной марки посуды, купленная в кредит в момент наивысшей веры в себя. Надпись на ней гласила: «Писатель – это не профессия. Это диагноз». Ирония начала разъедать душу, как кислота. Диагноз, да. Но общество явно выбрало паллиативное лечение в виде лёгких, необременительных текстов-однодневок.

Она открыла главный книжный ресурс. Топ продаж. Первое место: «Ключ от всех дверей: Роман-откровение бывшего ассасина КГБ». Обложка – мужской силуэт на фоне взрыва. Второе: «Фемдом по-русски»: эротический роман в стиле БДСМ. Развратная картинка, сочные тела. Третье: «Дневник моего пса-экстрасенса». Фото хаски в очках.

Лизу стошнило. Не буквально, конечно. Это был внутренний спазм, судорога всего её художественного естества. Она пятнадцать лет оттачивала стиль, изучала Джойса и Пруста, писала курсовую о палимпсестах в постмодернистской прозе. А мир хотел хаски-экстрасенса.

Её агент, усталый голос по имени Марк, утром прислал голосовое сообщение: «Лиза, солнце, «Кризис среднего возраста» не взлетел. Совсем. Алгоритм их не видит. Может, подумаешь о чём-то более... коммерческом? Ну, знаешь. Конфликт, страсть, интрига. Хотя бы одна погоня на вертолётах. Я не говорю продать душу. Я говорю – сдать её в аренду. На время».

Продать душу. Сдать в арену. В чём разница, когда она уже десять лет живёт в её теле, как в скворечнике на заброшенной даче – вроде и есть, а радости никакой.

Она встала и подошла к окну. Внизу, в свете витрин, копошились люди. Они покупали, ели, смеялись, целовались, листали ленты. Они потребляли контент, как фастфуд, – быстро, жадно, не вникая в состав. Её тексты были как молекулярная кухня: сложно, дорого, непонятно, а после одной порции остаётся чувство голода и лёгкое раздражение.

Звонок телефона вырвал её из омута самосожаления. Мама.

– Лизонька, ты как? Прочитала твою новую книжечку. Ну... очень умно. Очень. Папа сказал, что стиль богатый. А что там в конце, этот Иван так и не решился зайти в ту дверь?

– Нет, мам. Это метафора.

– А-а... Метка-фара. Ясно. Слушай, а тётя Таня спрашивает, когда ты уже настоящую книжку напишешь? Таковую, чтобы в метро читали. Она вот сейчас про лётчика читает, он попал в шторм, потом к аборигенам... Не оторваться! Может, и тебе такую? Ты же способная!

Лизе показалось, что чашка с диагнозом сама подпрыгнула на столе, чтобы разбиться в мелкие осколки о её лоб. «Настоящую книжку». Вот оно. Приговор. Её жизнь, её искусство, её метафоры – всё это было «ненастоящим» в глазах мира. В глазах даже собственной тёти Тани.

– Мам, у меня дела. Я потом перезвоню.

Она опустила телефон. В зеркале на неё смотрело бледное лицо с тёмными кругами под глазами – лицо художника, непризнанного при жизни. Но в эпоху цифрового шума «при жизни» означало «прямо сейчас». Умри она сегодня – о её «асфальте» забудут завтра, а аккаунт «Литературного Диагноста» напишет: «Жаль, потенциал был. Не раскрылся».

Главный вопрос, который встал перед ней в этот вечер, был не про творчество. И даже не про признание. Он был про выживание. Как выжить в мире, который начисто отучился жевать твёрдую пищу и требует только жидких калорий в красивой упаковке?

Она надела пальто. Ей нужен был воздух. Не метафорический, а самый что ни на есть настоящий, холодный, с запахом бензина и шавермы. Ей нужно было выйти в этот мир, который отверг её, и посмотреть ему в глаза. Возможно, в последний раз как чистая, невинная в своей интеллектуальной надменности художница. Завтра... Завтра нужно было что-то решать.

Марк говорил об аренде души. А что, если не сдавать в арену, а провести ребрендинг? Полную ревизию. Выбросить старый, пыльный товар и начать производить новый – яркий, громкий, съедобный. Продавать не смыслы, а эмоции. Не глубину, а блеск.

Эта мысль была настолько чудовищной, что у Лизы даже перехватило дыхание. Но где-то в самой глубине, под пластами культурного багажа и литературных амбиций, копошилось маленькое, мерзкое, «выживательное» существо. И оно тихо прошептало: «А почему бы и нет?».

Она захлопнула дверь. Её ждал город. Идеальный персонаж для плоского, но захватывающего сюжета.

Глава 2. Эврика в супермаркете: как полка с детективами перевернула мою жизнь.

Лиза шла по вечерним улицам, и город набрасывался на неё не пейзажами, а обрывками чужих нарративов. Рекламный щит кричал историей успеха «того, кто рискнул и купил новый внедорожник». Витрина кафе шептала трогательный спин-офф про «семейное счастье за чашкой капучино». Даже сварливая бабушка у подземного перехода, продающая носки, вела свой мрачный стрим: «Пенсия – копейки, государство – гады, купите пару, доченька, ноги не замёрзнут».

Весь мир превратился в плохо отредактированную, но невероятно популярную книгу, которую она, дура, пыталась переписать на языке Бродского.

Ноги сами принесли её в круглосуточный супермаркет «У дома» – храм потребления в его самом чистом, лишённом даже намёка на эстетику виде. Здесь не было метафор. Были цены, акции и вечный запах хлорки и печенья. Она механически взяла корзинку, намереваясь купить бутылку вина, чтобы утонуть в нём вместе со своими амбициями. Но вместо отдела алкоголя свернула в узкий проход между стеллажами.

И попала в эпицентр.

Отдел книг. Вернее, два стеллажа, заваленных тем, что её издатель с придыханием называл «бук-продукт». Это было не чтение. Это была жвачка для глаз. Обложки сияли ламинатом так яростно, что блики резали зрение. «ОБОЖАЮ ТЕБЯ, НЕНАВИЖУ ТЕБЯ» – кричал один корешок, украшенный силуэтом целующихся в ненависти людей. «КОД АНГЕЛА-МСТИТЕЛЯ» – рявкал другой, с мужчиной в капюшоне на фоне горящего города. «ДНЕВНИКИ СЧАСТЛИВОЙ СТЕРВЫ: ВЛАСТЬ НА КАБЛУКАХ» – соблазнял третий, сверкая стразами.

Лиза почувствовала приступ физической тошноты. Она взяла в руки «Код ангела». Открыла на случайной странице. «– Ты мёртв, – холодно произнёс Алекс, нажимая на курок. Выстрела не последовало. В последнюю секунду он вспомнил глаза своей кошки Мурки. – Чёрт, – пробормотал он. – Даже умирать мне мешают твари».

Она зажмурилась. Это было хуже, чем она могла представить. Это был не просто плохой текст. Это была гениально смоделированная бессмыслица, собранная из клише, как бургер из замороженных полуфабрикатов. И он продавался. Тиражом в 100 тысяч. Её пальцы, привыкшие выискивать шероховатости в текстах Набокова, теперь сжимали эту... субстанцию. И она была гладкой. Идеально скользкой. Не за что зацепиться мозгу. Только глотать.

И тут её взгляд упал на покупательницу. Девушка лет двадцати пяти, в удобных легинсах и огромной худи, с ярко-розовыми волосами. Она стояла перед стеллажом, не раздумывая, как Лиза перед пустым документом Word. Её рука двигалась уверенно, почти рефлекторно. Она взяла «ОБОЖАЮ ТЕБЯ, НЕНАВИЖУ ТЕБЯ», мельком взглянула на заднюю обложку с аннотацией («Он – циничный босс. Она – новая секретарша. Их страсть сожжёт офис дотла!»), и положила книгу в корзину к пачке пельменей, банке энергетика и упаковке гигиенических прокладок.

Это был ключевой момент. Эврика, которая ударила Лизу не в яблоко, а прямо в солнечное сплетение.

Для этой девушки книга была таким же товаром. Не искусством. Не откровением. Не вызовом. Продуктом. Её мозг, забитый работой, отношениями, кредитом и сторис, в конце дня требовал не духовной пищи, а лёгкого, предсказуемого эмоционального поглаживания. Любовь. Ненависть. Секс. Мечь. Всё на поверхности. Никаких подтекстов. Никаких намёков

на чай или штукатурку. Это была литературная доставка еды: горячо, быстро, калорийно, знакомо на вкус.

Лиза, затаив дыхание, превратилась в антрополога, изучающего племя *Homo consumens*. За полчаса она увидела, как к полке подошли ещё пять человек. Молодая мама с тоддлером на руке схватила «Мой муж – инопланетянин» с милой зелёной мордашкой на обложке. Пожилая женщина с хозяйственной сумкой на колёсиках выбрала «Скандал в санатории» – обложка в цветочек, крупные буквы. Подросток, прячась от камер, сунул в карман худи «Зомби-апокалипсис. Том 7».

Никто не читал аннотации. Никто не вдумывался. Они смотрели на обложку. И брали. Обложка была обещанием. Обещанием конкретной, незамысловатой эмоции. Как смайлик в переписке. Не нужно слов – картинка всё говорит сама.

И тут в голове у Лизы что-то щёлкнуло. Не с благородным звоном, а с сухим, механическим щелчком кассового аппарата.

Она отбросила свою брезгливость. Она перестала быть писателем и стала инженером. Перед ней лежали не книги, а механизмы. Механизмы успеха. Она начала анализировать, как работает этот механизм.

Правило 1. Заголовок – это вирус. Он должен врезаться в мозг с первого взгляда. Должен содержать конфликт, интригу или тёплую, слюнявую эмоцию. «Ключ от всех дверей». «Выше только любовь». «Обещание на миллиард». Её «Кризис среднего возраста» звучали как диагноз проктолога.

Правило 2. Обложка – это обманка. Она должна кричать своим визуальным рядом: «Внутри тебя ждёт именно ЭТО». Секс, опасность, гламур, милота. Никакой двусмысленности. Никаких полутонов. Цвета – либо кислотно-яркие, либо пастельно-розовые/мрачно-чёрные. Её обложка была гравюрой XIX века. Кто, блин, в XXI веке покупает гравюру?

Правило 3. Герой – не личность, а проекция. Читатель должен хотеть *быть* им (крутым, успешным, мстящим) или *обладать* им (вожделеть красотку, спасти несчастную). Её Иван со своим чаем был человеком, которого в метро стараются не коснуться плечом.

Правило 4. Сюжет – американские горки без подъёмов. Только спуски, виражи и взрывы. Никаких философских остановок. Главы по пять страниц. Клиффхэнгер в конце каждой. На пятой странице – первый поцелуй или первая пуля. На десятой – предательство. На пятнадцатой – погоня.

Правило 5. Язык – враг. Сложноподчинённые предложения – моветон. Метафоры – только самые топорные («её сердце разбилось, как хрустальная ваза»). Диалоги должны нести чистый экшн или чистую эмоцию. Никаких «умных» разговоров о смысле жизни.

Лиза стояла у стеллажа, и её трясло. Но теперь это была не дрожь отвращения, а дрожь открывателя, нашедшего карту сокровищ. Грязную, простую, пошлую карту. Она видела формулу. Ту самую, которую интуитивно чувствовали все издатели и которую так презирали все «настоящие» писатели.

Успех = Яркая упаковка + Простая эмоция + Нулевое сопротивление мысли.

Это была математика. Чистая, беспристрастная. И её «Кризис среднего возраста» с их многослойностью были ошибкой в вычислениях. Багом в программе. Миром, который система отторгала как инородное тело.

Она не купила вина. Она купила блокнот за 39 рублей и гелиевую ручку с блёстками. Села на скамейку у входа в супермаркет, под светом жёлтой лампы, отгоняющей бомжей, и начала записывать. Не гениальные мысли. А алгоритм.

Жанр: Не литературная проза. Любовное фэнтези? Криминальная мелодрама? Офис-романс с элементами триллера? Выбрать самую продаваемую нишу.

Героиня: Не Анастасия. Допустим, Алиса. 28 лет. Непутёвая, но с золотым сердцем. Работает... бариста. Нет, слишком банально. Криминальным психологом? Слишком сложно. А,

понятно! Криминальным психологом, который вынужден устроиться бариста, чтобы скрыться от мафии. Или наоборот.

Герой: Не Иван. Марк. Владелец сети кофеен. Холодный, циничный, с тёмным прошлым. Или он и есть мафия? Бинго.

Завязка: Она случайно подаёт ему кофе, в который подмешана... нет, слишком. Она становится свидетельницей убийства в его кафе. Или он подозревает, что она психолог, внедрённый к нему.

Конфликт: «Он думает, что она шпионка. Она думает, что он убийца. Их страсть вспыхнет среди лжи и кофейных зёрен».

Лиза писала, и её пальцы пачкались в блёстках от ручки. Она чувствовала себя не писателем, а дизайнером смертоносного вируса. Вируса, который будет размножаться в мозгах, принося ей деньги, славу и признание, в котором она так отчаянно нуждалась.

В её голове прозвучал голос университетского профессора, седого эстета, говорившего: «Литература – это попытка запечатлеть неуловимое». А теперь его перекрывал новый, циничный и чистый голос: «Бестселлер – это попытка продать очевидное».

Она встала со скамейки. Блокнот с алгоритмом горел в её сумке, как украденный артефакт. Она больше не была Лизой – писателем, мечтающим о признании. Она стала Лизой – инженером, готовящимся к запуску коммерческого спутника. Спутника с очень простой, очень глупой и очень продаваемой начинкой.

Первая мысль была: «Боже, во что я превращаюсь?»

Вторая, пришедшая ей на смену, была гораздо твёрже и яснее: «Наконец-то я что-то делаю правильно».

Она шла домой, и теперь обрывки городских нарративов складывались для неё не в хаос, а в инструкцию по применению. Она знала правила игры. Оставалось самое сложное и самое простое одновременно – сесть и написать эту дурацкую, гениальную, прекрасную шаболду.

Глава 3. Формула дурака: семь шагов к сердцу издателя.

Утро после озарения в супермаркете началось не с кофе и мук творчества, а с холодного, методичного аудита собственной жизни. Лиза сидела в своей квартире-студии, которая ещё вчера казалась лаконичным пространством интеллектуалки, а сегодня выглядела как музей ненужных артефактов. Полка с собраниями сочинений – пыльный мавзолей. Постер с Кафкой – не вызов системе, а дешёвая поза. Даже её фирменный аромат в диффузоре – «книги старой библиотеки» – теперь пахнул не мудростью, а плесенью и неудачей.

Она открыла ноутбук. Не документ с новым романом. Она открыла чистую таблицу. Две колонки: «Было (Проклятие)» и «Стало (Формула)». Это был её манифест. Её декларация независимости от собственного вкуса.

Шаг 1. Убить в себе читателя.

Было: Она читала отзывы на «Кризис среднего возраста» и выискивала в хейте хотя бы намёк на непонимание глубины. Искала родственную душу.

Стало: Отзывы – это метрика. «Скучно» = низкий темп. «Непонятно» = перегруженность смыслами. «Герой – тряпка» = недостаток экшена. Критика «Литературного Диагноста» больше не оскорбление. Это бесплатный фокус-тест. Она выделила его комментарий жирным: «Вода, картонные персонажи, нет динамики». И поставила напротив: «Увеличить плотность событий. Героям выдать черты-штампы (характер через профессию/внешность). Сократить все описания, не относящиеся к действию или внешности героев».

Шаг 2. Герой – не душа, а функция.

Было: Иван из «Кризиса...» – сорокалетний преподаватель философии, который боится звука дрели и испытывает трепет перед узорами на пенке капучино. Его внутренний мир.

Стало: Новый герой. Кодовое имя «МАРК_О». Возраст: 35. Профессия: владелец сети элитных кофеен (деньги) + бывший сотрудник «спецслужб» (опасность). Внешность: «стальная челюсть», «холодные глаза, в которых иногда мелькала боль», «широкие плечи, несущие груз прошлого». Хобби: нет. Слабость: только одна – героиня. Характер объясняется в двух предложениях на второй странице: «Предательство в прошлом. Никому не верит». Готово. Персонаж собран, как мебель из ИКЕА. Яркий, понятный, функциональный.

Шаг 3. Сюжет – как рельсы для скоростного поезда. Никаких развилочек.

Она нарисовала схему. Не композиционный график, а буквально рельсы с остановками.

Станция 1 (стр. 1-5): Встреча. Героиня-бариста Алиса (бывший криминальный психолог, скрывающаяся от системы) случайно проливает кофе на дорогой костюм Марка_О. Он – ледяной гнев. Она – дерзкое оправдание. Искра.

Станция 2 (стр. 6-15): Инцидент. В кофейне ночью происходит странная кража (не деньги, а один конкретный файл с ноутбука Марка_О). Алиса, благодаря старым навыкам, замечает детали. Он узнаёт о её прошлом. Принудительное сотрудничество.

Станция 3 (стр. 16-30): Вынужденная близость. Расследование. Ночные бдения. Случайное прикосновение. Его броня даёт трещину. Её страх сменяется интересом.

Лиза смотрела на схему и понимала: это не литература. Это навигатор. Читатель не должен думать, куда свернуть. Он должен только жать на газ, получая очередную порцию адреналина или дофамина на каждой запланированной остановке.

Шаг 4. Язык – враг глубины. Друг кликбейта.

Она открыла файл «Кризис среднего возраста» и безжалостно начала резать. Сложноподчинённое предложение: *«Он осознавал, что тишина, опустившаяся на город подобно тяжёлому бархатному занавесу, была лишь предвестием ещё более гнетущего одиночества, которое пустило корни в его душе».*

Правка: *«Город замолчал. Это было хуже гула. Это была тишина перед его личным адом».*

Выбросить «осознавал», «подобно», «предвестием». Оставить: город, тишина, ад. Сущности и простые эмоции. Коротко. Рублено. В лоб.

Шаг 5. Главы – крючки, а не кирпичи.

Глава в «Кризисе...» могла занимать 20 страниц и заканчиваться философским итогом. Новая глава – максимум 10. Идеально – 5. Каждая глава должна заканчиваться клиффхэнгером. Не вопросом «в чём смысл?», а вопросом «что будет дальше?!».

Пример финала главы 2: «...Алиса нажала на клавишу Enter, и данные на экране поплыли. В этот момент тяжёлая рука легла ей на плечо. Она обернулась и увидела ледяные глаза Марка. "Любопытство," – медленно произнёс он, – "губит не только кошек". Глава».

Шаг 6. Название и обложка – это 80% успеха.

«Кризис среднего возраста» – это диагноз, который хочется скрыть. Новое название должно быть обещанием спектакля. Она перебрала варианты: «Кофе и карма», «Латте с привкусом лжи», «Господин олигарх, ваш эспрессо остыл». Слишком сложно. Нужно проще. Прямее. Она вспомнила обложки из супермаркета. И вывела формулу: ОБРАЩЕНИЕ + КОНФЛИКТ/ОБЕЩАНИЕ.

«ТЫ – МОЯ ТАЙНА». «ЗА ТОБОЙ УСТАНОВЛЕНА СЛЕЖКА». «ОСТАНОВИ МЕНЯ, ЕСЛИ СМЕЕШЬ».

Остановилась на: «НЕ ГОВОРИ МНЕ ПРОЩАЙ». Звучало как ультиматум. Как страсть. Как история с болью. Идеально.

Шаг 7. Пиши не для вечности. Пиши для алгоритма.

Это было самое важное. Алгоритмы книжных магазинов искали ключевые слова, частоту кликов, «дочитывания». Нужно было заточить текст под них. Как SEO-копирайтер. Она создала отдельный файл «Ключевые слова для метаданных»: *запретная любовь, тайное прошлое, сильный герой, опасные страсти, психологический триллер, романтика, экшен, предательство, разоблачение.*

Закончив, Лиза откинулась на стуле. Перед ней лежал не план романа. Перед ней лежал технический проект изделия «Бестселлер-1». Не было ни вдохновения, ни мук. Был

чёткий план работ. И это вызывало не тошноту, а странное, холодное возбуждение. Впервые за много лет она контролировала процесс. Не ждала милости от музыки. Она конструировала.

Раздался звонок. Марк.

– Ну что, солнце, подумала над моим предложением об аренде? Есть идея?

Лиза посмотрела на свою таблицу, на схему сюжета, на кричащее название «НЕ ГОВОРИ МНЕ ПРОЩАЙ». Она больше не была солнцем. Она была стартапером на пороге презентации.

– Марк, – её голос звучал непривычно ровно и деловито. – Забудь об аренде. Я начинаю новый проект. Коммерческий. У меня есть синопсис, первые три главы и маркетинговая стратегия. Давай встретимся. Но не в вашем офисе с бронзовыми букетами. Где-нибудь... в людном месте. В кафе.

– Ого, – в голосе Марка мелькнул интерес живоглота, учуявшего свежее мясо. – Звучит серьёзно. Какая, говоришь, стратегия?

– Стратегия, – Лиза произнесла новое для себя слово с лёгкостью неопита, – дать рынку то, чего он хочет. А не то, что я хочу ему дать.

На другом конце провода повисла пауза. Потом Марк тихо присвистнул.

– Блин, Лиза. Да ты выздоровела. Присылай что есть. Встречаемся завтра в «Буквоеде» на третьем этаже. Там отличный капучино и видно, что народ покупает. В два.

– В «Буквоеде». «Идеально», — сказала Лиза.

Она положила трубку и впервые за долгое время улыбнулась. Не счастливой улыбкой творца. А уверенной, немного кривой улыбкой стратега. Она смотрела на экран, где рядом с её таблицей всё ещё был открыт файл «Кризис среднего возраста». Последний абзац её «гениального» романа гласил: *«Иван понял, что смысл – не в том, чтобы найти дверь, а в том, чтобы перестать бояться коридора».*

Лиза выделила весь текст. Курсор завис над клавишей Delete. Она не испытывала боли. Только лёгкую, техническую жалость к той себе, которая тратила силы на коридоры и двери, в то время как весь мир нёсся на скоростном лифте с прозрачными стенами – наглядно, быстро, без лишних смыслов.

Она нажала Delete. Файл исчез.

На экране осталась только таблица с формулой.

Семь шагов к сердцу издателя.

Или семь шагов в пропасть. Пока было неважно.

Главное – шаги были чёткими. И она их уже делала.

Глава 4. Первая ложь во спасение карьеры (и как я её красиво упаковала).

Кафе в «Буквоеде» пахло не кофе и книгами, как могло бы показаться романтику, а дорогим парфюмом, ноутами и скрытой паникой. Здесь назначали свидания фрилансеры, выгорали копирайтеры и, как выяснилось, заключали сделки с совестью начинающие шаболды.

Марк уже ждал. Он не походил на усталого классического издателя в локтях, поедаемого снобизмом. Он был продуктом нового времени: дорогая, но не кричащая куртка, идеальная стрижка седины у висков (скорее всего, инъекции ботокса в волосяные луковицы – тренд), iPad вместо папки с рукописями. Его взгляд скользил не по книжным полкам, а по людям, считывая потенциал покупательской способности.

– Лиза! – Он встал, и его объятие было таким же безупречным и бездушным, как интерфейс банковского приложения. – Выглядишь... решительно. Никаких следов декадентских страданий. Уже прогресс.

– Привет, Марк. Решительность – мой новый парфюм, – отпарировала Лиза, садясь. Она скинула пальто, демонстрируя простой, но дорогой свитер. Инвестиция в образ. Писатель-неудачница не вызывает доверия. Писатель-бренд – да.

– Итак, я в предвкушении. Говоришь, есть коммерческий проект. Меня заинтриговало «дать рынку то, чего он хочет». Обычно авторы бормочут о «голосе, который должен быть услышан». Это refreshing.

Лиза не стала доставать распечатанный синопсис. Она открыла планшет, вывела на экран лаконичную презентацию в фирменных темно-бордовых тонах. Логотипа пока не было, но шрифт был выбран идеально – современный гротеск без засечек.

– Проект «NEXUS», – начала она, и голос звучал чуть ниже, увереннее, чем обычно. Она репетировала перед зеркалом. – Рабочее название для рынка – «Не говори мне прощай». Жанр: любовно-психологический триллер с элементами криминальной драмы.

Марк поднял бровь. Не в знак скепсиса, а как человек, оценивающий чёткость формулировки.

– Продолжай.

– Целевая аудитория: женщины 25-45 лет, активные потребители контента в соцсетях, с высшим образованием, но уставшие от интеллектуальной нагрузки на работе. Им нужен побег, но с претензией на «умность». Им нужно чувствовать, что они читают не просто «розовую книжку», а историю про «сильную женщину в опасности».

– Хорошо. Герои?

Лиза перелистнула слайд. На экране – два стилизованных силуэта, как в тизере к сериалу.

– Алиса Соколова. 28 лет. Бывший криминальный психолог, уволенная из системы за попытку раскрыть дело против вышестоящего лица. Работает бариста в элитной кофейне, чтобы затеряться. Умна, наблюдательна, но травмирована несправедливостью.

– Марк Орлов. 35. Владелец сети кофеен «Orlov&Coffee». Харизматичный, закрытый, с тёмным прошлым в спецподразделении «Вулкан». Подозревается в причастности к теневым схемам, но доказательств нет.

– Конфликт? – Марк сделал глоток капучино. Его интерес был клиническим, но живым.

– Двойной. Внешний: на кофейню Марка совершено нападение с целью похищения данных. Алиса, благодаря навыкам, становится невольной свидетельницей и соучастницей рассле-

дования. Внутренний: она подозревает его в преступлении. Он подозревает её в том, что она подослана врагами. На этом фоне – неконтролируемое влечение. Формула: «Они должны разрушить друг друга, но не могут друг без друга».

Марк медленно кивнул. Он смотрел не на Лизу, а через неё, как будто проецируя слайды на воображаемую доску с метриками.

– Почему он должен сработать? Синописис – это одно. Но первая фраза? Первая сцена?

Лиза была готова. Это был её козырь. Она откашлялась и произнесла то, что писала и переписывала двадцать раз:

– «Кофе должен быть обжигающим, как ложь, и сладким, как предательство. Именно такой я и подала ему в тот роковой понедельник. Он даже не вздрогнул, когда кипяток пролился ему на пах – дорогие, словно броня, шерстяные брюки. Он просто медленно поднял на меня глаза. И я поняла: этот мужчина знает, как убивать. А я только что обожгла его в паху. Это была не лучшая моя идея».

В кафе на секунду застыл даже звук кофемолки. Марк смотрел на неё, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь – огонь охотника, нашедшего дичь.

– Боже, – выдохнул он. – Это... это же чистейший, концентрированный коктейль! Драма, намёк на эротику, угроза, самобичевание героини и... пах. Пах! Это гениально и пошло одновременно. Именно то, что цепляет. Откуда это?

И тут случился момент. Тот самый, ради которого и затевалась вся эта встреча. Момент первой лжи.

Потому что настоящая история первой фразы была прозаична и грустна. Она высидела её, сидя на кухне в растянутых спортивных штанах, выпивая третью чашку чая, выковыривая из себя эту фразу, как стоматолог – гнилой корень. Она ненавидела её. Она чувствовала, как её внутренний вкус, даже похороненный, корчится в агонии. Это была не её фраза. Это была фраза того самого контент-менеджера Алекса, которую она лишь механически записала.

Но Марк спрашивал: «Откуда это?» И ждал истории. Мифа. Красивой упаковки.

Лиза сделала небольшую паузу, посмотрела в окно, будто собираясь с мыслями, и сказала с лёгкой, чуть печальной улыбкой:

– Знаешь, это пришло ко мне в «Старбаксе». Я сидела, пила латте, и к столику напротив села пара. Он – деловой, напряжённый. Она – нервная, взвинченная. Они о чём-то спорили шёпотом. И вдруг она неловко дернула рукой и опрокинула его фраппучино... прямо ему на брюки. Не на пах, конечно, – Лиза усмехнулась, – но где-то рядом. И его лицо... на нём не было злости. Была ледяная, абсолютная пустота. И я подумала: «Вот он. Настоящий герой. Тот, кого нельзя разозлить, можно только... уничтожить». А героиня, которая это сделала, автоматически получает билет в адреналиновый сюжет.

Она соврала. Пары не было. Была лишь она, Лиза, и её отчаяние. Но ложь звучала идеально. Она была упакована в целлофан «живого наблюдения», «творческого озарения» и «прототипов из реальной жизни». Это была та самая красивая, продающая история, которую так любят журналисты и поклонники: «Автор подсмотрела сцену в кафе!».

Марк купился. Он даже удовлетворённо хмыкнул.

– Bravo. Отличная история для будущего интервью. Журналу «Собака» понравится. Ладно, что там дальше? Первая глава есть?

– Есть, – Лиза переслала ему файл. – Три главы. По плану – двадцать. Готова к правкам. К работе с профессиональным редактором, который понимает рынок.

Марк начал читать. Лиза смотрела, как его глаза бегут по строчкам. Он не улыбался. Он оценивал. Кивал на удачно вставленную деталь (подслушанный разговор по телефону, намёк на шрам), пропускал описания интерьера (их было мизер), задержался на моменте с фотографией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.